

После возвращения с четвертьфинала в тренировочную WS больше никто не заходил. От долгого запустения в воздухе висела тонкая пыль, и даже тянуло слабой сыростью.

Сун Цинсюй поморщился, машинально взмахнул рукой, разгоняя пыль, и направился прямо к своему игровому креслу, на спинке которого всё ещё висела старая куртка. Сел уверенно, привычно.

Тан Хуай вошёл следом, огляделся по сторонам и спросил:

— За какой компьютер мне сесть?

Сун Цинсюй указал на место справа от себя и одновременно нажал кнопку питания на своём ПК:

— На периферию не смотри, кидай свою хоть на задний стол. Всё равно ей тут больше никто пользоваться не будет.

Тан Хуай задумчиво повторил:

— Значит, справа от тебя.

Сун Цинсюй нахмурился:

— А где ещё? Можешь, кстати, и за дверью сесть, если что.

Тан Хуай усмехнулся:

— Просто подумал, что сидеть так близко к тебе — неплохо.

Сун Цинсюй молча уставился на него.

Пока он переваривал эту фразу, Тан Хуай уже снял чужие белоснежные клавиатуру и мышь, отнёс их назад, потом взял салфетки и принялся протирать стол. Он уже собирался заодно пройтись и по столу Сун Цинсюя, но тот мгновенно оттолкнул его за запястье.

— Обойдусь.

Тан Хуай не разозлился, лишь пожал плечами, выбросил салфетку и спросил:

— Как играем?

Сун Цинсуй, не торопясь, сам протирал пыль со стола влажной салфеткой.

— По старым правилам. Первую кровь не считаем, смотрим только итоговую таблицу — урон и K/D. Если у тебя показатели выше моих, остаёшься на просмотр. Ниже — сразу на выход.

— Идёт, — без колебаний согласился Тан Хуай.

Дверь тренировочной снова открылась. Вошли Чжан Чжиян и тренер Шэнь Хуаньци.

Раз речь шла о просмотре игрока, их присутствие было обязательным.

В League of Legends мидера и AD-керри вместе называют «двойным кэрри»: именно они к середине и концу игры обычно забирают на себя основной урон и способны брать матч под контроль, вытаскивая команду к победе.

Понятно, что обычный ранкед и профессиональная сцена — вещи разные, но если проверять именно те показатели, о которых говорил Сун Цинсуй, дуо-игра подходила куда лучше, чем скрим.

Заодно Шэнь Хуаньци мог лично оценить Тан Хуая.

Сун Цинсуй включил корейский смурф-аккаунт, добавил Тан Хуая в лобби и поставил поиск.

Днём народу было немного, плюс скрытый MMR у них обоих был слишком высоким, так что матч нашёлся только минут через десять.

Сун Цинсуй взял своего сильного ассасина — Акали. Тан Хуай, не моргнув, пикнул одного из самых сложных в управлении чемпионов — Афелия.

Игра началась.

Сун Цинсуй хотел закончить всё быстро, поэтому с самой линии стал давить соперника, пользуясь гибкостью Акали. Каждая его атака была резкой, точной, злой, и вражескому мидеру вскоре пришлось звать на помощь лесника.

Именно этого Сун Цинсуй и добивался.

За счёт тончайшей механики он дважды подряд забрал вражеского мидера и лесника, и его K/D очень быстро стало 4/0.

На нижней линии meanwhile всё ещё шла размеренная торговля тычками — обычный лейнинг,

без особых событий.

У Сун Цинся мелькнула мысль: раз Тан Хуай не может сам убить вражеского AD-керри, если он чуть-чуть поможет, это ведь не будет нечестно?

Но стоило ему пройти драконий пит, как на экране вспыхнуло уведомление об убийстве.

Тан Хуай оформил даблбил.

Причём без саппорта.

В одиночку забрал весь вражеский ботлейн.

У Сун Цинся резко дёрнулось веко, и Акали на экране на секунду застыла на месте.

В голове пронеслось: это враги такие ужасные? Или Тан Хуаю просто повезло? А если ни то ни другое — почему он начал драться только тогда, когда Сун Цинсей уже почти подошёл?

Или он специально его бесит?

На шестнадцатой минуте возле дракона началась командная драка.

У их топера и лесника ситуация по развитию была так себе, а единственным, кто хоть как-то мог изображать фронтлайн, оставался саппорт, поэтому Сун Цинсей не стал лезть в лобовую вместе со всеми. Он обошёл вижен и зашёл во вражеский лес, выжидая момент для входа.

Одновременно он постоянно переключал камеру на Тан Хуая.

И увидел, как тот, управляя Афелием, будто идёт по канату: двумя ювелирными движениями подряд уходит от ключевых инициаций, а затем мгновенно разворачивает драку.

Чакрамы мелькали так быстро, что рябило в глазах, прошивая врагов одного за другим — белое входило, красное выходило.

А под конец он ещё и идеально вывел нужную комбинацию оружия, точно рассчитав смену стволов, и швырнул ультимейт вдогонку тем, кто уже в панике бросился бежать.

Салют вспыхнул — и на экране сразу высветился пентакилл.

Сун Цинсей подоспел слишком поздно, успев взять только ассист. Он пропустил целое окно

для урона, и настроение у него окончательно ушло в минус.

Пока он лихорадочно думал, как отыграться в следующей драке, соперники уже прожали сдачу.

Игра закончилась вот так — внезапно и слишком быстро.

Впервые в жизни Сун Цинсюя бесило, что враги так охотно капитулировали.

На итоговом экране значилось: у Тан Хуая — 10/0/0 и больше восемнадцати тысяч урона; у Сун Цинсюя — 6/0/1 и всего двенадцать тысяч.

Тан Хуай победил.

Сун Цинсюй потёр зудящий левый глаз. Он понимал, что проиграл спор, и, хотя внутри всё равно было неприятно, человеком, который сначала обещает, а потом идёт на попятную, он не был.

Раз он сказал, что даст Тан Хуаю шанс, значит, даст.

Краем глаза он заметил, что Чжан Чжиян и Шэнь Хуаньци, стоявшие за спиной и наблюдавшие за матчем, буквально сияют от восторга, и решил на время благоразумно прикинуться немым.

А то откроет рот — и сам же уронит себе лицо. Будто и правда признает, что по умению тащить он слабее Тан Хуая.

Шэнь Хуаньци много лет не видел новичка с настолько мощным уроном. Он изо всех сил сдерживал улыбку, но в голосе всё равно звенело возбуждение:

— Хорошо, хорошо, отлично. Первый этап, Сяо Тан, считай, прошёл. Завтра я договорюсь о тренировочном матче, посмотрим тебя дальше.

Чжан Чжиян, помимо радости, испытывал и лёгкое беспокойство. Всего полчаса назад он своими глазами видел, как между Сун Цинсюем и Тан Хуаем искры летели.

Похоже, позже придётся искать случай как-то сгладить их отношения. Если в клубе снова всплывёт скандал с разрывом внутри состава, ему и правда останется только идти вешаться.

Шэнь Хуаньци посмотрел на Тан Хуая, который всё это время молчал, и подумал: а парень-то умеет держать лицо. Спокойный, не заносчивый, не поддаётся ни на похвалу, ни на давление — хороший материал для больших дел.

Он повернулся к Чжан Чжияну:

— Те ребята ещё не вернулись, а время уже позднее. Может, пусть Тан Хуай сегодня переночует у нас на базе?

Телефон Чжан Чжияна внезапно зазвонил. Это была секретарь владельца клуба. Он только сейчас вспомнил, что ещё должен отчитаться перед боссом по работе клуба за год.

Ему срочно нужно было вернуться в кабинет за материалами, и, решив, что за одну ночь ничего страшного не случится, он кивнул:

— Ладно, тогда сами устройте.

После ухода Чжан Чжияна Шэнь Хуаньци задал ещё несколько вопросов, и Тан Хуай на каждый ответил спокойно и по делу.

Сун Цинсуй за всё это время не произнёс ни слова.

Он снова и снова прокручивал в голове последнюю драку.

Как бы ему ни хотелось отрицать, он был вынужден признать: механика Тан Хуая — выверенная, будто до знаков после запятой, — и правда поражала.

Среди игроков нового поколения, кроме него самого, кажется, и не было никого, кто мог бы выдать настолько предельную и при этом чистую командную драку.

— Сяо Сун? Сяо Сун?

Сун Цинсуй растерянно вскинул голову:

— А?

— О чём задумался? — Шэнь Хуаньци посмотрел на него. — Скрим завтра днём. У меня сейчас ещё дела, так что отведи его наверх, пусть отдохнёт.

— А... ладно.

Шэнь Хуаньци с беспокойством глянул на него ещё раз; похоже, хотел что-то сказать, но в итоге всё же первым вышел из тренировочной.

В огромной комнате тут же остались только Сун Цинсюй и Тан Хуай.

Сун Цинсюй с отвращением покосился на экран со статистикой и твёрдо решил больше не прикасаться к этому проклятому смурфу, на котором умудрился нанести меньше урона, чем AD-керри.

Он вышел из игры, закрыл ускоритель, выключил компьютер.

Всю эту цепочку действий он проделывал медленно, образцово, почти как первоклассник на своём первом уроке информатики, хотя на самом деле просто тянул время, пытаясь собрать мысли в кучу.

Он не хотел отдавать такого сильного игрока другим клубам, превращая его в собственного соперника.

Такие люди либо исчезают, либо остаются.

Но...

Тан Хуай не сводил с него глаз, и в глубине этих глаз пряталась едва заметная улыбка. Только когда экран Сун Цинсюя окончательно погас, он неторопливо спросил:

— Ну что, теперь я подхожу?

— Что?

Сун Цинсюй мгновенно вспомнил об их споре.

Он что, школьник?

Неужели нельзя просто молча принять результат? Неужели взрослый человек не понимает, что фраза «ладно, ты действительно очень силен, я тебе проиграл» чертовски бьёт по самолюбию?

И вообще, тренер с менеджером уже всё решили. Зачем ещё и его мнение выпрашивать?

Тан Хуай терпеливо повторил:

— Ты же искал AD в псы. Ну что, я теперь подхожу?

Сун Цинсюй замер.

Так вот о чём тот спрашивал.

Хотя слово «пёс» и звучало двусмысленно, в игровом сленге это всего лишь грубоватое обозначение для игрока, который плотно подстраивается под стиль другого, всё время играет под него и помогает ему раскрыться.

Если бы они с Тан Хуаем встретились впервые именно сегодня, Сун Цинсюй без колебаний бросил бы что-нибудь вроде: «Чувак, если я тебя кэррю, то и играй под меня, что такого? А если ты сильнее, я и сам подстроюсь».

Но сейчас эти слова застряли в горле.

Он просто чувствовал: что Тан Хуай будет у него «в псах», что он сам у Тан Хуая — обе версии звучат как-то совершенно не так.

Как Джуди Хоппс, угодившая в тот нудистский оазис из «Зверополиса».

Защитный инстинкт заставил его ляпнуть первое, что пришло в голову:

— У тебя фетиш такой, что ли?

И стоило словам сорваться с языка, как мысль внезапно развернулась до конца.

Сун Цинсюй прищурил свои персиковые глаза:

— В интернете полно сайтов, где как раз ищут себе таких собачек. Можешь туда заглянуть.

Тан Хуай беспомощно посмотрел на него. Пальцы, висевшие вдоль бедра, незаметно сжались.

Через пару секунд он вдруг шагнул ближе — всё с тем же бесстрастным лицом, но с предельно ясным намерением.

Когда сверху нависла тёмная тень, Сун Цинсюй рефлекторно отклонился назад, но тут же уткнулся в спинку кресла. Отступать было уже некуда.

Внутри у него взвыла сирена. Он вскинул подбородок и нахмурился:

— Ты что творишь? Слов не хватило — решил руками махать?

Тан Хуай не ответил.

Одну руку он уверенно поставил на подлокотник кресла Сун Цинсюя, а другую медленно поднял к его лицу.

Издаലെка это выглядело так, словно он целиком заключил Сун Цинсюя в кольцо своих рук: тень стала клеткой, запирая его внутри и не позволяя никому даже заглянуть.

Сам Сун Цинсюй, впрочем, ничего романтического в этом не видел. Он только решил, что Тан Хуая всё-таки разозлили, и одним уголком сознания уже составлял формулу, прикидывая, сколько у него шансов, если дело дойдёт до драки.

Через несколько секунд он пришёл к предельно объективному выводу.

В лобовом столкновении ему против Тан Хуая не светило вообще ничего.

Но прежде чем он успел придумать хоть какой-то способ победить, ладонь Тан Хуая уже коснулась кожи под его левым глазом.

Шероховатая от тонких мозолей подушечка пальца медленно скользнула вниз.

Словно в игре кто-то прожал «зоню», мозг Сун Цинсюя на две секунды ушёл в полный стазис.

А потом, спустя эти две секунды, он наконец запоздало поднял руку и упёрся Тан Хуаю в плечо. Нажим вышел таким слабым, что больше напоминал не отталкивание, а растерянность от слишком внезапной близости.

В глазах у Сун Цинсюя расплылось всё вокруг — кроме Тан Хуая.

Он отчётливо видел маленькую коричневую родинку на его веке. Ясно чувствовал тонкие мозоли на кончиках пальцев, грубоватую шероховатость, которой тот провёл по его щеке.

Это ощущение не было неприятным.

И именно поэтому он никак не мог решить, чего хочет больше — съёжиться и спрятаться или просто молча принять это.

Он невольно замедлил дыхание. Мгновение растянулось до невозможности, настолько, что ему показалось, будто лицо уже успело раскалиться от этого прикосновения.

Хотя на самом деле всё длилось каких-то несколько секунд.

Когда он наконец пришёл в себя, Тан Хуай уже убрал руку, но сам всё ещё загораживал ему путь.

— Ты... ты чего это руками полез? — в голосе Сун Цинсюя звенела паника, которой он и сам не замечал.

Взгляд метался в стороны, судорожно цепляясь за что угодно, лишь бы отвлечься. Но стоило ему повернуть голову, как он снова увидел ту самую руку, которой Тан Хуай только что касался его лица.

У Сун Цинсюя дрогнул кадык, а в груди поднялось что-то сложное, смутное, не поддающееся словам.

Если бы он не оттолкнул его...

— А-Сюй, — тихо позвал Тан Хуай.

Этот голос мгновенно вернул его в реальность. Сун Цинсюй резко оттолкнул человека перед собой.

— Ты мне никто. Не смей так меня называть.

Тан Хуай вздохнул, убрал руку с подлокотника и отступил, возвращая Сун Цинсюю безопасную дистанцию.

Он слегка опустил голову. Рука, которой он только что касался Сун Цинсюя, сжалась в кулак, будто стараясь удержать остатки тепла, ещё не успевшего исчезнуть.

Уголки его глаз чуть опустились — вид был прямо как у брошенного щенка, хотя на самом деле он просто бесконечно смаковал это ощущение.

— Я всего лишь хотел спросить, — тихо сказал он, — почему у тебя так покраснели глаза. Тебе плохо?

<http://bllate.org/book/18105/1736337>